

Сергей Хангулян
Запах книги и аромат времени

Кажется, впервые я увидел Константина Сергеевича Герасимова на лекции по истории книги, когда учился на третьем курсе филологического факультета ТГУ. В аудиторию вошел человек, сразу показавшийся мне похожим на французского актера Жана Рошфора, которого многие и сегодня помнят по роли адвоката Дегрэ в популярном тогда французском художественном фильме. Слушая повествование о споре двух городов, Майнца и Страсбурга, борющихся за право называться городом, в котором впервые в мире заработал типографский станок, о тяжбах, экономических проблемах и других сложностях жизни Гутенберга, я вдруг поймал себя на мысли о том, что сам наш новый лектор не совсем от мира сего, что его самого занесло сюда, в Тбилиси, каким-то удивительным ренессансным ветром из той далекой эпохи, о которой он так красочно и увлеченно рассказывал. Мне казалось, еще секунда и Герасимов-Рошфор обернется, крикнет «Сорбонна, ко мне!», и откуда-то сверху из-за его плеча прямо в аудиторию прыгнет огромных размеров волкодав, названный именем известного французского университета... В то время я, конечно же, и предположить не мог, что много лет спустя благодаря рекомендации этого человека я в качестве преподавателя ступлю под своды другого европейского университета, вполне достойно все последующие века конкурировавшего с парижской Сорбонной, — университета старинного немецкого города земли Баден-Вюртемберг — Гейдельберга, так похожего, по более позднему определению самого Герасимова, «на бонбоньерку»... Тогда на третьем курсе под руководством Константина Сергеевича я начал писать курсовую работу по истории польской первопечатной книги. Признаюсь честно, это была первая работа, выполненная мною не по студенческому долгу, а действительно, что называется, от души. Сама

тема казалась необычной — благодаря лекциям Герасимова сложившееся у меня задолго до этого почтительное отношение к книге на глазах превращалось в эстетическую ценность высшей категории — «вещи в себе», где важны цвет бумаги, типографский шрифт, графические заставки и тому подобные «мелочи», составляющие конституцию объекта, называемого книгой... Много позже выяснилось, что Константин Сергеевич мою работу запомнил и сохранил — несколько лет спустя я видел ее среди других папок, хранящихся у него на одной из книжных полок. Сегодня я думаю, что работа показалась ему интересной по той причине, что большая часть источников, по которым я работал, была на польском языке (на русском они были не доступны): несколько дней в одну из своих летних поездок в Польшу (в 1973 году) я провел в библиотеке Лодзинского университета.

Осенью 1976 года, уже после окончания университета, мне довелось несколько раз встречаться с Герасимовым в сололакском доме Степана Ананьева, тбилисского диссидента, антропософа и музыканта, — в его квартире происходили своего рода посиделки тбилисских интеллектуалов. Тогда впервые, пожалуй, я увидел Константина Сергеевича вне университетской обстановки, но с тем же неизменным портфелем и трубкой, с которой он в те годы не расставался. Еще пару месяцев спустя я, волею судеб, вновь оказался в университете, но уже в качестве преподавателя-почасовика польского языка на кафедре сначала экономической географии, а потом кафедры русского языка, которой в то время заведовала Наталья Алексеевна Хидашели. С этого момента я стал невольно встречаться с моими бывшими преподавателями, в том числе и с Герасимовым, в университетской профессорской. Именно в этот период меня в качестве аспиранта, соискателя ученой степени кандидата филологических наук, рекомендовал Константину Сергеевичу мой друг Владимир Чередниченко, учившийся когда-то курсом старше (Владимир Ильич Чередниченко ныне доктор филологических наук, заслуженный профессор Кубанского государственного университета). Тема «Античность в поэтическом творчестве Брюсова» всплыла как-то сама собой в первую же встречу, поскольку напрямую увязывала мои увлечения античностью и эпохой Серебряного века с одним из основных направлений академического интереса самого Герасимова, чья кандидатская диссертация также была связана с творче-

ством мэтра русского символизма Валерия Брюсова. С момента утверждения этой темы на кафедре истории русской литературы ТГУ, которой в то время заведовал известный лермонтовед Ваню Семенович Шадури, началась моя «брюсовиана» — совместные поездки с Герасимовым на Брюсовские Чтения в Ереван и Москву, работа в рукописном отделе ГБЛ над архивом Брюсова и личное знакомство с учеными-филологами, авторами книг, служившими тогда учебниками для многих поколений студентов-филологов — Б. И. Пуришевым, Н. А. Трифоновым, А. А. Ниновым, А. А. Белецким, наконец, М. Л. Гаспаровым. Здесь следует упомянуть знаменательный факт: Герасимов был неизменным участником *всех* Брюсовских чтений, которые регулярно проводились в Ереване, Москве, а затем в Ставрополе — с 1962 по 1992 г. Константин Сергеевич был душой и организатором едва ли не всех неурочных собраний участников конференций, и в шутку называл Брюсовские Чтения «Брюсовскими Бдениями», поскольку такие «симпозиумы» длились, как правило, до раннего утра. Именно в процессе таких «бдений» наступали сокровенные моменты, когда из герасимовского портфеля извлекалась заветная узкая тетрадь в черной коленкоровой обложке. Герасимов начинал читать свои стихи. Читал он их совершенно неподражаемо, как-то нараспев, не повышая и не понижая тона, но в наиболее драматических местах стихотворения голос его начинал как-то по-особому вибрировать и, казалось, заполнял собою все окружающее пространство:

Поэзия — слова, слова, слова.
Глагол времен. Служение отчизне.
Бред пифии. Отражение жизни.
Дверь в вечность, приоткрытая едва.

Она есть Бог в святых мечтах земли,
Рифмованная жвачка агитпропа.
Потоп. Ковчег спасенья от потопа.
Нет — Вавилон! Нет — Иерусалим!

Поэзия — Песнь Песней. Кляп во рту.
Трусливого холуйства словоблудье
И Высший Судия. И взятка судьям,
И певчий дрозд, убитый налету.

Сияющей квадриги Аполлона
Полет, решение спора, вечный спор,
Смерть и бессмертье, слава и позор.
Кандальный звон. Всезвездная корона.

Она — глагол, сжигающий сердца
И немоты бессилие — и сила.
Слепящий блеск алмазного венца
И Тьма. И Слово, что в Начале было.

Осыплется в часах судьбы песок,
Но всех вещей не человек ли мера,
Хотя б сменяла болтовню Руссо
Кровавая машина Робеспьера?

Так томик тот, который донесешь
До гильотины, эшафота, зоны,
Могилы братской — слышишь, погребенный,
Поэзия. А прочее все — ложь.

В те времена это были более чем крамольные стихи, и услышать их дано было лишь немногим избранным. До появления в печати книги стихов «Из глубины» вообще мало кто знал, что Герасимов писал стихи, и несмотря на то, что в глазах подавляющего большинства окружавших его людей он был преподавателем и ученым, сам он считал себя в первую очередь поэтом и именно поэзию называл главным делом своей жизни. Единственная его книга избранной лирики увидела свет в Тбилиси в 1992 году. Бумага, шрифт, качество печати текста и иллюстраций оставляли желать много лучшего, но это были времена, когда такие стихи уже могли быть опубликованы, и сам факт публикации радовал Константина Сергеевича безмерно. «Трудно в это поверить, — говорил он. — Еще три-четыре года назад я и представить себе такого не мог!» Потом шутливо добавлял: «Теперь вы, Сергей, можете написать труд об античных мотивах в поэзии Герасимова, Вова (*Владимир Ильич Чередниченко — С. Х.*) — о временных отношениях в его лирике, а Таня (*Татьяна Григорьевна Мегрелишвили — С. Х.*) — о философских концепциях...». Кое-кого, вероятно, удивляло, почему Герасимов, выбирая стихотворения для публикации «Избранного», поставил в качестве верхнего временного предела 1987 год. Станным казалось то, что в книгу не вошли стихотворения, которые были написаны в течение почти пя-

тилетнего промежутка времени — между 1987 и 1992 годами. Дело в том, что Константин Сергеевич планировал издание основного корпуса своей лирики в одной большой книге, построенной, как он говорил, «по архитектурному принципу готического собора». С его точки зрения книга стихов «Из глубины» была всего лишь пробным шаром. «Многие части моего готического храма готовы, некоторые еще предстоит написать, — говорил Герасимов после публикации «Избранного». И добавлял: «Надеюсь успеть». Тот факт, что рукописи Константина Сергеевича спустя много лет после его ухода все-таки обнаружались (как эффектно и как неожиданно подтверждается иногда знаменитый булгаковский постулат!) и готовятся к публикации, наполняет каждого, кто знал о его творческих планах, особой радостью. Вряд ли, конечно, теперь все эти стихотворения удастся собрать именно в той архитектурной «готической» последовательности, в которой предполагал сделать это сам Константин Сергеевич. Но, так или иначе, многие из его друзей и учеников, — наконец, просто многие из ценителей истинной поэзии, — с особым нетерпением ждут публикации тех стихотворений, которые по той или иной причине не были включены самим автором в «Избранное», и тех, которые были написаны *после* 1987 года... Таких стихотворений должно быть немало, ведь между 1987 годом и годом ухода Константина Сергеевича пролегло почти полное десятилетие...

Герасимов с неизменным и искренним уважением относился к каждому, кто пытался писать стихи, поддерживал, поощрял, давал конкретные рекомендации и советы. По его инициативе был создан знаменитый Поэтический кружок, который долгие годы функционировал при Тбилисском Доме Офицеров под руководством ученицы Константина Сергеевича, Татьяны Мегрелишвили, ныне доктора филологических наук, профессора Грузинского технического университета. Участие в кружке было открытым, туда приходили, образно говоря, и физики и лирики, — объединяющим фактором была любовь к поэзии. Кто-то был профессиональным филологом, кто-то — нет, и Герасимов предложил мне прочесть для кружковцев курс по истории и теории стихосложения. Кроме метрики и ритмики, речь на курсе шла и о различных стихотворных формах, в том числе, конечно, о сонете, об истории и теории которого Константин Сергеевич

написал ряд основополагающих для сонетоведения работ. Часто в конце занятия кружковцам предлагалась написать сонет на некую заданную тему. Это могли быть темы «сквозные» для мировой поэзии — «Одиссей», «Клеопатра», «Калиостро», но были и такие, которые волновали в первую очередь самого Константина Сергеевича, — например, «Ars moriendi» — «Искусство умирать», — тема, восходящая к средневековому трактату «*Speculum artis bene moriendi*» и хорошо знакомая европейским художникам и поэтам. Написанное приносилось на следующее занятие, подписывалось псевдонимом и зачитывалось, а все присутствующие выставляли соответствующие баллы и выбирали лучшее. Сам Герасимов в такого рода конкурсах участия не принимал, но с присутствием ему чувством юмора мог преподнести победителю свою фотографию с шутливой надписью, повторяющей известную надпись, сделанную Жуковским на собственном портрете, подаренном Пушкину — «Победителю-ученику от побежденного учителя»...

Выше я перечислил имена выдающихся ученых-филологов, с которыми мне, благодаря Константину Сергеевичу, удалось когда-то познакомиться и общаться. Об одном из этих корифеев именно в связи с Герасимовым мне хотелось бы сказать отдельно. Я имею в виду Игоря Стефановича Поступальского, московского филолога, поэта и переводчика, которого Константин Сергеевич не раз называл своим учителем, а в минуты особой открытости, — образно, разумеется, — даже отцом... В далеком 1933 году Поступальский подготовил и издал том избранной лирики Брюсова в издательстве Academia (позднее в серии «Литературные памятники» им были подготовлены и изданы «Цветы зла» Шарля Бодлера и томик поэзии Артюра Рембо). Герасимов познакомился и сблизился с Игорем Стефановичем (а через него и с вдовой Брюсова Жанной Матвеевной Рунт) в первые послевоенные годы, когда приехал в Москву поступать во ВГИК — на сценарный факультет. Тетушка, у которой он остановился и которая, кажется, была литературным редактором во МХАТе, по его словам, едва не упала в обморок от тбилисского акцента, который слышался в грамматически и синтаксически безупречной русской речи ее тбилисского родственника. Кажется, полностью избежать такого акцента не дано ни одному русскоговорящему тбилисцу, прожившему в этом городе более одного десятилетия.

Я помню, как на одной из Волошинских конференций в Коктебеле после нашего выступления к Константину Сергеевичу подошел Павел Нерлер, известный специалист по творчеству Мандельштама, пожал руку, поблагодарил за интересный доклад и сказал: «Особое спасибо за ваш тбилисский русский — душа радуется, будто вновь побывал в Тбилиси».

Совершенно особую ауру имела небольшая квартира Константина Сергеевича в одном из узких верийских переулков. Квартира не принадлежала Герасимову, она являлась собственностью человека, жившего по соседству, а сам Константин Сергеевич унаследовал статус квартиросъемщика от своего деда. Об отце Герасимова я слышал очень мало, известно только, что он был репрессирован, мать — фотография красивой темноволосой молодой женщины всегда стояла на письменном столе Герасимова — умерла очень рано. Воспитывал его дед, работавший в одной из тифлиских типографий. Он-то и привил внуку любовь к книге. Кстати, не многие знали, что Герасимов был на пару лет старше своих однокурсников на филологическом факультете Тбилисского университета. Дело в том, что вернувшись из Москвы, он поступил на математический факультет и проучился на нем два полных года, пока не решил, что призвание его — филология и только филология. Так вот, небольшая квартирка Константина Сергеевича состояла из узкой галереи и двух маленьких комнат, гостиной (побольше) и кабинета (поменьше), который служил и спальней. В обеих комнатах стояли застекленные стеллажи и открытые полки, вплотную заставленные книгами. Кроме того, книги лежали стопками повсюду — на письменном столе, на журнальном столике на спинке дивана и на стульях.. В те времена книги были, — назовем это так, — престижным дефицитом, и знакомство с заведующим книжным складом считалось весьма важным и для тех, кого манила жажда чтения, и для тех, кто думал об украшении интерьера (увы, увы, для истинных любителей книги!). Книги Герасимову поставляли люди, сделавшие добычу и перепродажу книг в то время своей профессией или, если угодно, средством выживания (он не без юмора называл их «чернокнижниками»). Меня удивляла широта спектра герасимовского интереса — он приобретал и современную фантастику, и военные мемуары, и научно-популярные издания по биологии и физике, но почему-то особенно поражал меня тот

факт, что он охотно покупал детективы, которые по его собственному выражению, часто бывали «ниже всякой критики»... Гордостью его библиотеки была коллекция старопечатных книг. Герасимов говорил, что собирает римских авторов, «изданных на языке оригинала до XVII века». Некоторые из этих раритетов он приносил в аудиторию для демонстрации на курсе по истории книги. Основное ядро коллекции, насколько мне известно, сформировалось сразу же после войны, когда в букинистических магазинах буквально за копейки стали появляться в немалом количестве трофейные книги из поверженной Германии. Сдающий зачастую понятия не имел об истинной ценности старинной книжки, написанной на непонятном языке... В начале 90-х, если я не ошибаюсь, еженедельная газета «Книжное обозрение» опубликовала интервью с Константином Сергеевичем, в котором он подробно говорил об этой части своей библиотеки.

Беседы с Герасимовым относятся к разряду моих самых сильных эстетических впечатлений. Эти разговоры в окружении книжных полок и стопок книг забыть невозможно — мы говорили о Брюсове, Волошине, Серебряном веке, античной культуре, о поэзии вообще, вообще о жизни, о нашем месте в ней... В такие часы мне казалось, что законы земного времени и пространства переставали функционировать привычным образом, а сам Константин Сергеевич, сидящий напротив в кресле, превращался в мага, волшебника Мерлина, по воле которого вдруг начинали свое плавное вращение отдельные звезды, целые созвездия и галактики литературных эпох всех народов и культур, давно исчезнувших, существующих и даже будущих... Для того, чтобы вновь представить себе эту магическую картину, увидеть Герасимова, сидящим в кресле в маленькой черной шапочке Мастера на голове (надевалась во время простуды или в холодные зимние вечера), с дымящейся сигаретой или трубкой в руке на фоне неизменных книг, мне не нужно делать никаких усилий. Достаточно взять в руки любимую старую книжку, перелистать ее, вдыхая запах минувших десятилетий, или раскрыть еще нечитанный том с текстом, который вызывает мой интерес, и ощутить своеобразный, неопиcуемый аромат типографской краски и бумажного листа...

Май — июнь 2011, Атланта, США